

Джордж Гордон Байрон

Лара

Повесть

О переводчице и переводе

Марина Золотаревская перевела поэму Байрона «Лара» живым и точным русским стихом.

Прошли года.

Они равно бегут

для тех, кто странствуют,

и тех, кто ждут.

Но здесь устало Время; без вестей

Его крыла становятся слабей.

И всё былое счастье готовы сном,

И верят в настоящее с трудом.

Не правда ли, здесь ощутим «нежный вкус старинной русской речи» (Б.Ахмадуллина), и в то же время современный, почти кинематографический, динамизм? Между тем это бережный перевод с английского.

Прочтя перевод В. Топорова, переводчику Марина не поверила. «Он выхватывает какое-нибудь слово из оригинала, и развивает свою фантазию, однако фантазия его взлетает на высоту курицы, привязанной к колышку», — недоумевает Марина.

Что движет рукой переводчика? «Любовь. И ещё, — сказала Марина, — перевела затем, чтобы не расставаться. По той же причине сонм читателей переписывает Толкиена, дописывает „Унесённых ветром“, из-за этого смотрят сериалы», — пояснила она.

По специальности инженер-электрик, Марина Золотаревская обладает заразительно неортодоксальным взглядом на всё, что читает, и нередко выступает с обстоятельными докладами перед книголюбями Сан Франциско. Её эрудиция уникальна, английский для неё — второй родной язык.

«Лару» она переводила двенадцать лет с перерывами, начав в Харькове, откуда она родом, завершив в Сан-Франциско. Считает, что поэма недооценена, и в то же время не типична для автора; конфликт между разумом и чувствами, присущий байроновскому герою, не

встречается в других его произведениях. Оригинальна и героиня, думающая женщина, мятежница.

Между прочим, Марина считает, что, так как Пушкин с Лермонтовым, по выражению Синявского, «непримиримые антиподы», Байрон по-разному повлиял на их формирование. Если Пушкин от него отталкивался, «боролся с этой тенью, заслонившей весь мир, то Лермонтов ему следовал». А ведь действительно, несмотря на юношескую декларацию: «Нет, я не Байрон, я другой, ещё неведомый избранник...», русская муза Лермонтова всё же напитана животворным ядом поэзии лорда Байрона.

Марина Золотаревская также пишет оригинальные миниатюры, парадоксальную прозу, отмеченную грустным юмором... Алла Ходос, 21.02.07

Песнь первая

Посвящается Инне Владимировне Мельницкой, праведнику мира.

1.

В поместье Лары празднество царит,

Рабами гнет цепей почти забыт;

Вернулся вождь нежданный — долгий срок

Изгнанья добровольного истек.

На лицах радость, в замке суета,

Сверканье чаш, и флагов пестрота;

Камин приветным запылал огнем,

Окрасив даль за расписным окном;

А слуги, окружившие очаг,

Шумят все враз — и смех во всех очах.

2.

Он снова здесь — зачем же брег родной

Он покидал?...Оставшись сиротой,

Дитя — не мог постичь утраты он,

И тяжким был наследством наделён —

Свободой действий. Власти нет страшней,

Покой душевный несовместен с ней.

Кто б вовремя пресек ему пути,
Способные к паденью привести?
Юнец, людьми он правил, — а ему
Наказ ещё был нужен самому.
Прослеживать не стоит и труда,
Какими лабиринтами тогда
Промчался он; хоть путь недолог был,
Но половину жизни в нём убил.

3.

И в юности он бросил отчий край,
Но после отзвучавшего «прощай»
Растаял след его, и с каждым днём
Всё реже люди думали о нём.
Отец был мёртв; вассалы ничего
Не ведали о Ларе; от него —
Ни слова, хоть догадкам нет числа;
Тревога в равнодушие перешла;
Портрет его тускнел; пустой покой
Его не слышал имени; другой
Его невесте слёзы осушил;
Не помнил юный; старый — опочил,
И лишь наследник восклицал, изныв
По траурным одеждам: «Он всё жив!»
Украшен вечный дом его отцов
Великолепьем хмурым ста гербов,
Но одного меж тех недостаёт,
Кто там в стенах готических гниёт.

4.

Не ждали, что один прибудет он.
Зачем вернулся, из каких сторон —
Гадать не смеют; удивить их мог
Не сам приезд — отлучки долгий срок.
При нём и свиты почитай что нет,
Лишь паж, чужак по виду, юных лет.
Прошли года; они равно бегут
Для тех, что странствуют и тех, что ждут;

Но здесь устало время; без вестей
Его крыла становятся слабей.
И все бывшее счесть готовы сном
Иль верят в настоящее с трудом.
Он жив, хоть зрелости его расцвет
Ожгло касание забот и лет;
Грехам его — коль помнит их иной —
Судьбы неверность быть могла виной;
Дурной иль доброй славы днесь лишен,
Мог поддержать бы славу рода он;
В былые годы слыл он гордецом
И полюбил успех ещё юнцом;
Но быть искуплен грех подобный мог,
Коль не успел перерасти в порок.

5.

И вскоре все одно понять могли —
В нём перемены впрямь произошли.
Морщины на челе его для них —
Страстей примета, но страстей былых;

Он столь же горд, но юный пыл забыт;
Небрежный тон речей, холодный вид,
Осанка величавая, и взгляд,
Ловящий всё, что на сердце таят;
И едкость речи: тот, чьё сердце свет
Когда-то жалил, — жалит всех в ответ,
Как будто в шутку; вы бы не смогли
Сознаться, что укол вам нанесли;
Таким предстал он; прочее ж едва
Уловит взор иль выразят слова.
Других влекут любовь, успех и честь,
Пускай не всякий может их обрести;
А Лару вряд ли эта жажда жгла,
Хоть, кажется, недавно в нём жила;
Но чувством сильным, спрятанным от глаз,
Вдруг озарялся бледный лик подчас.

6.

Расспросов долгих о пережитом
Он не любил; не говорил о том,
В каких чудесных землях он блуждал
Безвестным — как, похоже, сам считал.
И люди зря его ловили взгляд
Иль мнили, что пажа разговорят:
Увиденное в тайне он хранил,
Чужого любопытства не ценил;
Настойчивей вопросы — лик мрачней,
И следует ответ ещё скудней.

7.

И в свете — не без радости — его
Узрели вновь, приняв как своего;
Вступил он в круг вельмож своей страны,
С кем сан и власть сблизать его должны;
Средь вихря их веселий наблюдал,
Как всякий наслаждался иль страдал;
Но, наблюдая, не делил меж тем
Ни мук, ни радостей, присущих всем;
Не гнался за мечтой, что их зовёт,
И рушась вечно, всё же в них живет:
Тень славы, иль наживы сладкий груз,
Любовь красавицы, победы вкус...
Искавших путь к нему, казалось, вдруг
Отбрасывал назад незримый круг;
Укор, застывший в глуби этих глаз,
Осаживал нескромных всякий раз;
При нём меж робких разговор смолкал,
Иль общий шепот страха пробежал;
Но мудрое решило меньшинство:
Он лучше, чем сулит нам вид его!

8.

Всё это странно: в юности былой
Он жаждал наслаждений, рвался в бой;
Любовь, сраженья, море, — все пути,
Где б мог восторг иль гибель он найти,
Изведавши поочередно, он
Был радостью иль мукой награждён,
Не пошлой серединой; чувствам был
Защитою от мысли самый пыл;

В нём было сердце бурею полно,
И презирало бунт стихий оно;
Дух упоенный небо наблюдал:
Неужто там сильнейший обитал?
Всех крайностей невольник, как был он
От этих снов безумных пробуждён?
Бог весть! когда ж виденье унеслось,
Он проклял сердце: не разорвалось!

9.

Вникал он в книги нынче; до того
Сам род людской был книгою его;
Теперь, случилось, вдруг он рвался прочь
От всякого общения. Всю ночь
Тогда его шагов метался звук
Вдоль зал, где предки хмурились вокруг
С портретов грубых. Слуг в такие дни
Он редко звал, но слышали они
«...пусть будет это тайной, — глас иной,
И меньше походил он на земной.
Смешно сказать, да только ты бы сам
Ни слуху не поверил, ни глазам.
Зачем он вечно устремляет взгляд
На страшный череп, что из гроба взят
Рукой безбожной, и теперь лежит
Меж книг его, как будто сторожит?
Зачем он бродит ночи напролёт,
Гостей иль музыкантов не зовёт?
Всё, всё неладно — в чём же корень зла?
Иной, быть может, слышал, но была

Та повесть слишком давнюю; умней
Лишь осторожно намекнуть о ней,
А захотел бы — мог бы...» Так порой
Болтали слуги Лары меж собой.

10.

Стояла ночь; на зеркале реки
Всех ярких звезд сияли двойники;
И воды с виду свой прервали путь,
Меж тем спеша, как счастье, ускользнуть,
Поймав волшебный, точно райский, свет —
Огней бессмертных неба дальний след.
У самых вод — густых деревьев ряд,
Цветы, что пчёлам пиршество судят;
Диана из таких венки плела,
Невинность их поднести Любви б могла;
Ковром они устлали берега,
Сверкающей змеей вилась река;
Всё так дышало миром, что сейчас
Не испугал бы даже призрак вас;
Сказали б вы, что силе злой невмочь
Предстать в подобном месте, в эту ночь!
Вот миг, добру принадлежащий весь, —
Так Лара счёл, и не остался здесь,
Свернул в молчанье к замку своему.
Вид этой ночи мукой стал ему;
Пришла о прошлом память вместе с ней,
О небесах иных — ещё ясней,
Где ночь нежней, и ярче лунный свет;
Он вспомнил о сердцах, что нынче... нет,

Он бурю предпочтёт! пускай бы шквал
Его чело безжалостно хлестал,
А ночь такая, прелести полна —
Как насмехается над ним она!

11.

Опять — под свод угрюмый; в тишине,
Здесь тень его метнулась по стене,
С которой смотрят лики прошлых лет.
Какой ещё могли оставить след
Святой и грешник? Склеп, в своих стенах
Сокрывший всё: и промахи, и прах;
Туман преданий; пышных полстолбца
Для хроники, где сказкам нет конца;
Хвала и брань тут сыплются; похож
Обман на правду, истина на ложь...
В раздумье бродит он; на мрамор плит
Свет лунный пал, решёткою разбит;
И лепка сводов, тонущих во мгле,
И сонм святых, застывших на стекле
В молитве вечной, — ожили тогда,
Но жизнью той, что смертному чужда;
Он сам казался духом в этот миг:
Клубящийся плюмаж, и мрачный лик,
И смоль волос — придали всё ему,
Чем ужас наделяет гроба тьму.

12.

Вот полночь; всё уснуло; тьма страшит
Светильник слабый; так огонь дрожит,

Как будто он боится мрак рассечь.
Что там? В покоях Лары — шепот, речь,
Вдруг возглас, полный ужаса призыв,
И взвился крик — и канул, ночь пронзив!
Услышан ли? Но отзвук поднял слуг;
Безумным эхом взорван спящий слух;
И каждый в дерзости своей дрожал,
Когда на крик о помощи бежал,
Едва-едва успев свечу разжечь,
И в страхе на ходу схвативши меч.

13.

На мраморе, средь бликов и теней,
Как мрамор холоден, луны бледней,
Он был распластан; меч лежал у ног.
Казалось, Лара выронил клинок
В нездешнем страхе; но с его чела
Тень вызова доселе не сошла;
Не сразу сдался он; не только страх —
Прочли и жажду схватки на устах;
Угрозы смутной возглас в них застыл,
Проклятье гордости, лишённой сил;
Страшна недвижность приоткрытых глаз,
Но взор остался прежним и сейчас;
В беспомыслии — глядел он пред собой,
Как гладиатор, бросившийся в бой.
Его приподымают... О! вздохнул
И что-то молвит; вздрогнул — и стряхнул
С себя оцепененье; щёки вновь
Окрасила волною темной кровь,

Но дико бродит взор его вокруг,
И слугам непонятен речи звук,
Хотя слова отчётливо слышны.
Да, верно! это речь иной страны,
Иной бы слух внимать ей должен, но —
Для слов, увы, замкнулся он давно!

14.

Тут паж к нему протиснулся; среди них
Лишь он, похоже, в эти речи вник
И побледнел; вернее знака нет,
Что их не должен был услышать свет,
Что паж не разъяснит их никому;
Склонившись к господину своему,
Он шепчет сам слова земли иной —
Должно быть, то язык его родной;
И этой мягкой, нежной речью он
Прогнал давивший Лару тяжкий сон,
Коль сновиденьем сражена была
Душа, что на земле свой ад нашла.

15.

В нём память страшной яви — или сна
Осталась заживо погребена.
Рассвет обычный Лару воскресил;
Ни лекаря позвать он не просил,
Ни привести духовного врача;
Всё тот же он — в движеньях и в речах;
Занятням прежним посвящает день,
Не чаще на чело ложится тень;

Коль стал страшить его приход ночей,
Сокрыл он это от чужих очей;
Но что до слуг — любой бы угадал,
Что страх недавний их не покидал.
Цепляясь друг за друга, стороной
Они обходят проклятый покой;
Шагам ли отзовется камень плит,
Расшитая ль завеса зашуршит,
Застонет ветер, знамя ли плеснёт,
Проноеет дверь иль нетопырь порхнёт, —
И задрожат они, коль мрак ночной
Стоит в печали за седой стеной.

16.

Пустые страхи! Больше не пришла
Минута неразгаданного зла.
Иль притворившись, что забыл о ней,
Пугал их этим вождь ещё сильнее?
Неужто он не помнит ничего?
Ни разу слово, взгляд иль речь его
С тех пор не выдавали боль души.
Его ли это крик в ночной тиши
Всех поднял на ноги? Его ль уста
Шептали речи дикие тогда,
А взор был страшен? Не осилив мук,
Его ли сердце оборвало стук?
Он, так страдавший, как он всё забыл,
Когда трепещут все, кто рядом был?
Иль память с тайной неразлучна в нём?
Но тайна грызла б сердце день за днём;

Причины не позволив угадать,
Последствия дала бы увидеть.

Опять не то: он всё держал в себе;
Подобных чувств не разгадать толпе,
А смертному в слова их не облечь:
Под гнётом мысли задохнётся речь.

17.

Он вызвать мог равно в людских сердцах
Приверженность, вражду, пристрастие, страх;
Хвала ему не молкла — и хула,
А в центре споров жизнь его была;
Молчанием он толки возбуждал,
Но кто бы разглядел иль разгадал
Чем был, чем стал он? Всем узнать дано
Его происхождение одно.
А если к равным полон он вражды?
Средь них его веселым счёл бы ты,
Но видели стоящие вокруг:
В усмешку чёрствую ссыхалась вдруг
Улыбка, изогнувшая уста,
Глаза же не смеялись никогда.
И всё ж порой они теплели: он
Едва ль жестокосердным был рожден;
Но тут себя за слабость упрекал
И вновь броней он сердце облакал;
Гордец и шагу не желал ступить,
Чтобы его сумели полюбить;

Казнясь, что некогда терял покой
От нежности, недремлющей тоской
Он приневолен к ненависти был:
Когда-то слишком сильно он любил.

18.

Отравлен он презреньем ко всему;
Затем ли, что был ведом ад ему,
Скиталец-дух, он чужд земле живой,
Низвергнутый, он мир утратил свой.
Мечтам поверив тёмным, выбрал он
Опасности, и чудом был спасен —
Зачем! Их память он в душе сберёг,
Как утешенья и тоски залог.
Ему щедрей отпущен дар любить,
Чем всем созданьям праха, может быть;
Он минул истину в благих мечтах,
И после — зрелость, молодости крах,
Сознание, что он мираж ловил,
Растратив даром столько лет и сил;
А вихрь страстей, отбушевавший в нём,
Лишь выжег пустоту своим огнём
И лучших чувств жестокий вызвал спор.
Но сохранив гордыню до сих пор,
Он мнил, что не на нём лежит вина,
Что с ним природа стыд делить должна,
Что плоть виновна: дух она гнетёт,
Пока червям на пищу не пойдёт.
Теперь добро и зло он спутать мог,
В деяньях добровольных видя рок;

С обычным себялюбцем несравним,
Благополучьем жертвовал своим
Для прочих — не затем, что их жалел,
И не затем, что долг ему велел;
То гордость извращенная звала
На недоступные другим дела;
Подчас, таким порывом сбит с пути,
Он мог до преступления дойти.
В паденье и в паренье столь далёк
От всех, кого он рядом видеть мог,
Он разорвать стремился с ними связь,
Добром иль злом от смертных отделясь.
Их мир отринул с отвращеньем он,
И мысль его в своём воздвигла трон;
И жизнь, что где-то у подножья шла,
В нём крови растревожить не могла;
Ах! Если бы и прежде грех не жёл
Оледеневший нынче крови ток!
Идя меж тем с людьми путём одним,
В делах, в речах от них неотличим,
Узде рассудка подчинился он.
Не разум — дух безумьем поражён.
Он в откровенья пустится навряд,
Что оскорбить могли бы общий взгляд.

19.

В нём тайны холод чуяли они,
Он сам любил, казалось, быть в тени,
Но даром обладал — иль, может быть,
Искусством — не давать себя забыть.

То не любовь была и не вражда,
Не подберёте слова никогда,
Но встреча с ним не минет зря для вас,
Вы спросите о нём в который раз;
О чём бы с ним не говорили вы,
Нейдут его слова из головы;
Раз навсегда в душе запечатлён
Приязнью или ненавистью он;
Зачисленный в друзья иль во враги,
Заполнит он сознания тайники;
К его душе не подступиться вам,
А в вашу он меж тем вселился сам;
Он всюду с вами; вас влечёт к нему
Против сознания; воле и уму
Вовек сетей незримых не порвать:
Не хочет он забвенья даровать!

20.

На праздник в круге рыцарей и дам —
Всех знатных и богатых встретишь там,
В чертоге Ото, — Лара приглашён;
Высокородный, с честью принят он;
Отменный вышел пир и славный бал,
И шум веселья стены сотрясал,
И в танце свита красоты неслась —
Здесь грация с гармонией сплелась.
Благословен счастливый этот круг:
Слиянье душ, соединенье рук!
Тут просветлеет самый хмурый лик
И юношей узрит себя старик;

А Юность, упоением полна,
Вообразит, что в рай унесена!

21.

Казалось, Лару тешит вид такой,
Ты б не сказал, что он томим тоской;
Порхающих красавиц он следил,
Чей легкий шаг и эха не будил;
Скрестивши руки, прислонился он
К одной их длинных мраморных колонн,
Не видя, что за ним самим сейчас
Следит сурово пара чьих-то глаз —
Стерпеть такое Лара б мог навряд.
Вот ощутил он этот цепкий взгляд,
И меж гостей чужак ему предстал.
Тот явно лишь за Ларой наблюдал,
Не будучи замечен до сих пор;
Теперь он уловил ответный взор:
Вопрос, тревогу, изумленье, страх,
У Лары промелькнувшие в глазах;
Но что до пришлеца — в чертах его
Толпа б не прочитала ничего.

22.

«Он самый!» — гость неведомый сказал,
И словно эхо обежало зал.
«Он самый!» — «Кто же он?» — пошло вокруг,
Достиг и слуха Лары этот звук;
Гул изумлённый рос со всех сторон;
Тут многие смешались бы, а он,

Не пряча глаз, не изменясь в лице,
И словно позабыв о пришлеце,
Чей вид его сперва так поразил,
Холодным взором далее скользил,
Покуда резкий смех не прозвучал:
«Что делает он здесь?» — пришлец вскричал.

23.

Уж эту речь спокойно перенести
Едва ли Ларе позволяла честь;
Весь подбравшись, обернулся он,
Но был скорее твёрд, чем возмущен,
Когда холодным тоном произнёс
В ответ на издевательский вопрос:
«Мне имя — Лара; назовёшься сам, —
Сполна твоей учтивости воздам.
Что дальше? Я без маски пред тобой,
И мне не страшен твой вопрос любой».
«Любой вопрос? Иль нет ни одного,
Что нестерпим для слуха твоего,
Хотя в душе нашелся бы ответ?
Вглядишься в меня! Узнал? Неужто нет?
Ты памяти обязан долг платить,
Какой и вечность не могла б скостить».
Его обводит долгим взором тот,
Но, кажется, не то не узнаёт,
Не то узнать не хочет; промолчав,
И головой с презреньем покачав,
Он собирался было отойти,
Но был удержан сразу: «Погоди!

Ещё два слова! Отвечай тому,
Чей род едва ль уступит твоему,
Меж тем как сам — не хмурься, граф, постой,
Ведь так легко покончить с клеветой —
Меж тем как сам, таков как есть и был,
Презрение моё ты заслужил!
Не тот ли ты...» — «Тот самый или нет,
Но я довольно слушал этот бред.
А те, кто приняли его всерьёз,
Вольны внимать и дальше; произнёс
Ты речь учтивую; пролог хорош,
Уж верно, сказку славную сплетёшь
Шлю Ото благодарный свой поклон,
Пускай таких гостей лелеет он!»

Вмешаться Ото поспешил тотчас:

«Не ведаю, что разделяет вас,
Но здесь не место спорам; не нужна
Средь праздника словесная война.
Ты, Эццелин, прилюдно говорить
Желал бы с графом Ларой; так и быть,
Сполна ты завтра объяснишься с ним,
Хоть здесь же, коль угодно вам двоим.
Ручаюсь за тебя, ты мне знаком,
Хоть долго пропадал в краю другом,
И стал для всех едва ль не чужаком.
А Лара предков рода своего
Не посрамит; коль кровь и сан его
О доблести мне верно говорят,

Долг рыцаря нарушит он навряд».

«Пускай же завтра, — Эццелин в ответ, —

Обоим нам узнает цену свет.

И жизнь, и меч, и душу я свою

В залог своей правдивости даю».

А тот, другой? В себя он погружён,

От остальных как будто отрешён,

Хоть приковал вниманье всех очей

И возбудил он множество речей,

Но сам молчит, и слышит их едва ль,

И, кажется, глядит куда-то вдаль;

Увы! Всё это объяснить легко:

Воспоминанье слишком глубоко.

24.

«До завтра, да!» И только этих слов

Дождались от него в конце концов.

Черты его бесстрашие хранят,

И ярости не отражает взгляд,

И всё же чем-то выдал самый тон,

Что твёрд в решенье тайном будет он.

Вот плащ схватил он, всем кивнул слегка,

И, миновав угрюмого врага,

Спокойно взор встречает ледяной,

Ответив лишь улыбкою одной.

Не раненая гордость в ней видна,

Что гнев прикрыть презрением должна,

Но лишь готовность всё перенести,

Уверенность в намеченном пути.

Что это — дерзость, безрассудство тех,

В ком навсегда укоренился грех?

Спокойное сознание правоты?

Не различишь их меж собою ты,

Коль жизнь тебе урока не дала;

Нам правду открывают лишь дела.

25.

Пажа окликнул Лара; для того

Законом были зов иль знак его;

Для Лары бросив брег родной страны,

Где души солнцу пламенем равны,

Лишь он вождю сопутствовал сюда.

Как Лара, молчаливый, был всегда

С тех пор при нём — приверженней стократ,

Чем долг и годы юные велят.

Хоть он с наречьем здешним был знаком,

Обычно вождь не этим языком

С ним изъяснялся; паж летел на зов,

Когда от Лары слышал речь отцов.

В ней жили звуки голосов иных,

Как эхо среди скал его родных;

Он словно близких слышал — всех, кого

Оставил ради друга одного;

Лишь Ларе верил, жил он им одним,

И странно ль, что держался рядом с ним?

26.

Он строен был; загаром чуть легло

Родное солнце на его чело,
Но щек не опалило; в них порой
Непрошенный румянец бил волной;
Не цвет здоровья, радующий глаз
И душу всю являющий подчас —
Горячая краска то была,
Сокрытая тревога щёки жгла.
Огнём, что был похищен в небесах,
Казался мысли блеск в его глазах;
Ресниц завеса черные зрачки
Смягчала тенью скорби иль тоски,
Но чаще гордость в них блеснуть могла,
А скорбь неразделимою была.
Не развлечения и не озорство,
Отрада юных, тешили его;
Часами мог следить за Ларой он,
Забыв себя, от мира отрешён;
А если отсылает господин,
Паж отдыхает у реки один
Иль бродит в роще; отдаясь от всех,
В заморских книгах ищет он утех;
Подобно Ларе, всё отринул он,
Чем наше сердце полно, взор пленён,
Чем одарить нас этот мир готов,
Лишь принял жизнь — горчайший из даров.

27.

А если всё же в нём любовь жила,
То только к Ларе, и одни дела —
Порукой чувству; упредив приказ,

Любое пожеланье он тотчас
Угадывал; но гордый дух его
Обиды б не стерпел ни от кого.
Хоть он усердней был, чем раб любой,
Казалось: повелитель пред тобой,
А рвенье это Ларе самому
Едва ль необходимей, чем ему,
Бог весть зачем: здесь не о плате речь,
И всех трудов — нести за Ларой меч,
Настроить лютню; а не то вдвоём
Они засядут за старинный том.
Вождь отдалил его от прочих слуг,
А сам он никогда их тесный круг
Почтеньем иль презреньем не дарил,
Лишь сдержанностью вечной говорил,
Что эту братию считал чужой.
Пред Ларой он склониться мог душой,
Не снизойти до них. Быть может, он
И впрямь в ином сословье был рождён;
Лилейных рук оттенок выдавал,
Что паж работы грубой не знавал;
Их цвет сличая с нежной кожей щёк,
Здесь пол иной ты б заподозрить мог,
Когда б не платье и не гордый взгляд:
Так женщины обычно не глядят,
Тут жар сокрытый можно угадать,
Что не созданью хрупкому под стать,
А солнцу южных стран; в его очах
Являлся этот пламень, не в речах;
Паж звался Калед, но, по слухам, он

В отчизне был иначе наречён;
На это имя, как на чуждый звук,
Бывало, не ответствует, и вдруг
Метнётся он на повторённый зов,
Как будто вспомнит всё в конце концов;
И только если Лара позовёт,
В нём слух, и взор, и сердце оживёт.

28.

И вот теперь он очевидцем стал
Внезапной ссоры, так смутившей зал.
Вокруг него толпа дивится вслух,
Что гордый Лара, мол, к обиде глух,
Когда вдвойне страдать бы должен он,
Безвестным человеком оскорблён;
А паж бледнеет — и краснеет вмиг,
Как пепел — губы и как пламя — лик;
Покрыв росой холодною виски,
Казалось, сердце в нём взяла в тиски
Мучительная мысль — из тех, что в нас
Сознанием отторгаются тотчас:
Тогда свершиться действие должно,
Покамест не осознанно оно.
Всего лишь мысль, но что-то в ней могло
Оледенив уста, ожечь чело.
Сначала паж следил за пришлецом,
Но помертвел внезапно всем лицом
В тот миг, как Лара, покидавший зал,
Врагу усмешку беглую послал;
Лишь память Каледа её прочла,

Толпа едва ли что-то поняла.
Догнал он господина своего,
И всем примнилось: в зале — никого;
Настолько спор все души взволновал,
Настолько Лара взоры приковал;
Вот он у двери; тень его растёт,
На миг закрыла освещённый вход,
И вновь глазам открылся блеск огней,
Но стук сердец теперь ещё сильнее.
Так сны пустые могут бросить в дрожь,
Ведь худший сон с грядущей правдой схож!
А Эццелин, в раздумье погружён,
Стоял, суров и важен; но и он
Не задержался; только час истёк,
Рукой он помахал — и за порог.

29.

И круг шумливых бражников затих;
Привычно ложе ожидает их,
Где радость молкнет, горе ищет сна,
Где каждый, в ком душа истомлена,
Найти от жизни отдых будет рад.
Коварства помыслы и страсти чад,
И воспалённый угар вражды,
И честолюбья жадные мечты —
Развеют всё забвения крыла,
Чтоб жизнь во гроб покорно заползла.
Удачней мы названья не найдём,
Ведь ложе — склеп ночной, всеобщий дом;
Всё: сила, слабость, и добро, и зло

В нагой беспомощности здесь легло;
Благословен бездумья краткий час!
Но вечный отдых ужасает нас;
Пускай грядущий видится рассвет
Началом цепи новых страшных бед,
Ещё страшнее самый крепкий сон,
Хотя видений он уже лишён.

Песнь вторая

1.

Отходит ночь; в лучах сошли на нет
Клубы тумана; землю будит свет —
И стало на день прошлое длинней,
Кончина на день ближе для людей.
Но вечная Природа ото сна
Воспрянула такой, как создана:
Под солнцем — жизнь, и дол цветами полн,
Сияние лучей, прохлада волн...
Бессмертный человек! Ликуй, лови
Весь блеск его красот — они твои!
Всмотрись! Когда придет рассвет иной,
Не станет для тебя красы земной;
Но небо и земля твой прах навряд
Хотя б одной слезою одарят;
Не грянет буря, не качнётся лист,
Лазурный свод пребудет столь же чист;
Лишь червь найдёт в останках стол и дом,
И превратит их в тучный чернозём.

2.

Вот полдень — и толпою гости в зал
По зову Ото входят: час настал!
Лишь миг — и участь Лары решена,
Погибла честь его — иль спасена.
Ведь Эццелин вот-вот предстанет им
С рассказом обвиняющим своим.
Клялись и он и Лара, что придут —
Пусть Бог и люди их рассудят тут.

Но где же он? Как обвинитель мог
Проспать и не явиться в должный срок?

3.

Уж минул час, как Лара здесь предстал,
Он холодно и терпеливо ждал.
Что ж Эццелин нейдёт? Среди гостей
Всё громче ропот; Ото всё мрачней.
«Я верю слову друга моего!
Коль жив он, мы увидим здесь его.
Почетный гость, не пренебрёг он мной,
Хоть на ночь в дом отправился иной,
Что меж владений Лары и моих
Стоит в долине, разделившей их.
Ему пришлось уехать — может быть,
Затем, чтоб доказательства добыть.
За друга поручусь я всё равно,
Иль сам сумею смыть с него пятно».

Но Лара отвечал: «Я был готов
Склонить свой слух, на твой явившись зов,
К словам его безумной болтовни.
Вчера меня бы ранили они,
Когда бы не слетели с языка
Безумца — или подлого врага.
Он мог в чужих краях меня видать
И там... но мне-то незачем болтать;
Представь его сюда! А если нет —
Ты при мече — так выполняй обет!»
Тут Ото вспыхнул, вмиг перчатку он
Швырнул, и меч свой вырвал из ножен.
«Второе лучше! Друга нету здесь,
Зато уж я к твоим услугам весь!»
Не дрогнул Лара, хоть была близка
Его ли смерть, иль смерть его врага;
Почти небрежно, — явно не впервой,
Привычною рукою боевой,
Он также меч послушный обнажил,
И взор его пощады не сулил.

Вожди меж ними поспешили встать,
Но не сумели Ото обуздать;
Он разразился градом бранных слов,
Клинок его их подтвердить готов!

4.

Недолго бились. В бешенстве своём

Нарвавшийся на мастерский приём,
Свалился Ото; кровь ручьём текла,
Но рана не смерельною была.
«Проси пощады!» Не ответил он,
И чудом не был к полу пригвождён:
Казалось, в Лару дух вселился злой,
Черты его на миг застлало мглой,
И меч занёс он — яростней стократ,
Чем отражал он вражеский булат;
Он хладнокровьем поражал тогда,
Теперь же закипела в нём вражда.
Так беспощаден оказался он,
Что, будучи от жертвы оттеснён,
Едва не поднял алчущий клинок
На тех, кто помешать расправе мог.
Но внял внезапной мысли — и застыл,
И долго взора с Ото не сводил,
Как будто проклинал бесплодный бой,
Живою видя жертву пред собой;
Как будто всё пытался уяснить,
Намного ль меч подрезал жизни нить.

5.

В крови лежащий Ото поднят был,
Его тревожить лекарь запретил;
Все гости перешли в соседний зал,
Но в гневе никого не замечал
Виновник боя, выигравший бой.
Надменно, молча, медленной стопой
Он вышел — и в седло! И хоть бы взгляд,

Домой помчавшись, бросил он назад.

6.

Но где он — грозный метеор ночной,
Исчезнувший внезапно пред зарёй?
Где Эццелин? Вчера, оставив их,
Смолчал он о намереньях своих;
Уехал поздно, было уж темно,
Но только заблудиться мудрено,
Коль близок твой ночлег, и путь знаком —
Вела тропинка к дому прямиком.
Узнать о нём отправились туда,
Но рыцарь сгинул. Комната пуста,
Стоял в конюшне праздно конь его,
И не дало дознание ничего.
Встревожился хозяин; толпы слуг
Разосланы на поиски вокруг;
Все в страхе ожидали, что вот-вот
Примета злодеяния всплывёт;
Но на траве и в зарослях кустов
Ни капель крови нет, ни лоскутов,
Ни отпечатка тела; гладкий мох,
Что рассказать бы о злодействе мог,
Не взрыт перстами цепеневших рук,
Скребущих дёрн в минуты смертных мук,
Когда уж защищаться силы нет.
Свершись убийство — что-то из примет
Земля бы сберегла наверняка,
А так надежда теплится пока.
Но шепот, нараставший каждый день,

На имя Лары вскоре бросил тень;
Входил он — и смолкали все тотчас,
И ждали, чтоб скорее скрылся с глаз,
А там уж вслух гадали кто как мог,
И всё черней был домыслов поток.

7.

Шли дни, и рана Ото зажила,
Но гордость глубже ранена была;
Открытый недруг Лары, он готов
Назвать друзьями всех его врагов;
Твердит, что с Лары власти их страны
За Эццелина б требовать должны.
Кого страшил пропавший? Кто другой
Его своею устранил рукой,
Коль не был тут замешан человек,
Чью честь он мог бы погубить навек?
И тайна, столь любимая толпой,
И слухов самых вздорных шумный рой,
И то, что Лара не завёл друзей,
Не добивался склонности ничьей
И не искал доверья ничьего;
И это боевое мастерство,
Которого не ждёшь от мирных рук,
И ярость, в нём открывшаяся вдруг —
Ведь это был не просто гнев слепой,
Который угасает сам собой;
То был глубинный, стойкий пламень зла,
Всю жалость в сердце выжегший дотла,
Жестокость, возникающая в тех,

Кого и власть пресытит, и успех;
Всё, всё против него! К тому ж толпа
Щедра на брань, а на хвалы скупа.
И гром над Ларой грянул, наконец!
Кругом враги, а сгинувший пришлец
Как будто рядом — жив он или нет,
И надо за него держать ответ.

8.

Повсюду в том краю народ стонал
И кабалу тиранов проклинал;
Здесь несть числа им — и любой возвёл
В закон свой беспощадный произвол.
Раздоры в государстве и вовне
Открыли путь злодействам и резне;
Того гляди, меж граждан быть войне,
Где всяк, что не с тобою — враг тебе,
И нет не сопричастного борьбе.
Рабам хозяин полный, феодал,
Внушив покорность, ненавистен стал;
Упали руки, извелись сердца.
Тогда-то Лара заступил отца,
Но, с родиной надолго разлучен,
Средь палачей народа не был он;
Вернувшись, правил мягко; наконец,
Тревога исчезает из сердец,
И только слуг отныне мучит страх —
Не за себя, за Лару. В их глазах
Теперь он лишь несчастен, хоть сперва
О нём и шла зловещая молва.

Молчит? Не спит ночами? Что ж, ему
Неможется — иль тяжко одному.
Его тоска меж этих стен царит,
Но в замок вход приветливо открыт
Для всех, кто обездолен и гоним;
Познало сердце Лары жалость к ним,
И он, кто власть имущих презирал,
На бедноту с участием взирал;
Придут они к нему — без лишних слов
Он принимает их под свой покров;
И смотришь, обретает с каждым днём
Вассалов новых. Но явился в нём
Особенно радушный властелин,
Когда исчез бесследно Эццелин.
Быть может, Лара ждал беды с тех пор,
Как между ним и Ото вышел спор;
К народу, не к сословию своему
Казался он привержен — почему?
Расчёт? Тогда он верно рассчитал
И в нужном свете пред людьми предстал.
При нём всегда прибежище найдет
Бежавший от безжалостных господ;
Не грабит он крестьян; его рабы
Украдкой не клянут своей судьбы;
Накопленного не отнимут тут,
Презренью жалить бедность не дадут...
Завлёт он всех: заверил юных он,
Что каждый вскоре будет награждён;
Вражде сулил, что вскорости она
Отмщенья жажду утолит сполна;

Любви несчастной обещал с пути
Мешавшее неравенство смести;
Ему бы только объявить одно:
Что рабство навсегда отменено!
И миг настал: задуманную месть
Решился Ото в действие привести,
И вдруг узнал, что тысячную рать
Сумел преступник вокруг себя собрать:
Рабов, чьи цепи пали в этот час,
Презревших мир и мнивших: Бог за нас!
Не вспахивать земли отныне им,
Лишь рыть могилы деспотам своим!
Сей клич злодейство призван оправдать
И вид неверный истине придать;
Свобода, вера, мщение — звук любой
Повлечь способен бойню за собой;
Подчас коварство бросит пару слов,
И вот уж угощенье ждёт волков!

9.

В стране на деле правил феодал,
Король едва ли властью обладал;
Народ обоих проклял, и число
Готовых к бунту что ни день росло;
Был нужен вождь. Он найден: человек,
Судьбою с ними связанный навек;
Случилось так, что только в их борьбе
Искать защиты должен он себе;
Его отрезал некий тайный рок
От круга, где своим он зваться мог;

Но, всем несчастьям нынче обречён,
Их не один собрался встретить он.
Стремясь — Бог весть зачем — любой ценой
Сокрыть, что было с ним в стране иной,
Своё он дело мог бы с общим слить
И миг паденья этим отдалить.
Душа забыла бури прежних дней,
Покой угрюмый воцарился в ней;
Но вот, событиям грянувшим вослед,
Пришла к нему опасность худших бед,
И он предстал таким, как прежде был,
Лишь место действия переменил.
И жизнь, и славу в грош не ставил он,
Но был игрой безумной увлечён:
Решив, что создан ненависть будить,
Готов был пасть, коль сможет отомстить.
Зачем хотел он черни волю дать? —
Возвысив низших, он сломил бы знать.
Укрылся было в мрачный он приют,
Но рок и человек везде найдут;
Ловцы опять спешат со всех сторон,
Да только им живой не дастся он!
Он честолюбие давно забыл,
И зрителем холодным в жизни был;
Но, на арену брошенный опять,
Сумел вождём достойным в битве стать.
И обликом, и голосом — гроза,
И гладиатор — коль взглянуть в глаза.

Что проку в повести очередной
О жизнях, зря загубленных войной,
О пировавших стаях воронья,
Дымившихся развалинах жилья,
О том, как прахом рушилась стена?
Война была как всякая война,
С одним отличием: накал страстей
Неслыханно ожесточил людей.
У Милосердья права больше нет:
За жертвой бою гибнет пленник вслед;
А в том, кому черед торжествовать, —
За власть иль волю шел он убивать, —
И в час победы вряд ли гнев утих:
Врагов убитых больше, чем живых!
И меч пошёл косить голодный край,
Где только смерть собирала урожай;

Единый факел всю поджжёт страну,
И груды трупов радуют Войну.

11.

Придя с невиданным приливом сил,
Сперва успех восставшим верен был;
Но катастрофой обернулся он:
Приказ вождя им больше не закон;
Они толпою валят на врага —
В победе им пожива дорога;
Алчба с неуголимою враждой
Их повлекли дорогой роковой;

И всею властью вождь бессилён был
Унять своей орды безумный пыл,
Смирить их буйство; где там! он не мог
Задуть огня, который сам зажжёт.
И вскоре враг открыл им, как слепая
Была в своём порыве их толпа.
За ложным отступленьем — вновь налёт;
Не принят бой, а в ночь засада ждёт;
Припасы перехватывает враг,
Укрыться войску негде в дождь и мрак;
Осады без надежды на успех
Невыносимо измотали всех;
Кто ждал такого? Нет, из них любой
Как настоящий воин, примет бой,
Но предпочтёт скорее смерть бойца,
Чем эту жизнь в мученьях без конца.
Бич лихорадки, голода рука
Терзают поредевшие войска;
И хмель победы недовольством смыт,
Лишь Лара твёрдость прежнюю хранит,
Хоть остаётся горсточка всего
От тысяч, что стояли за него.
Что ж, есть надежда: бегство из страны!
От охватившей родину войны
Уйти, хоть ноша будет нелегка:
Изгоев злоба, изгнанных тоска.

Отчизну покидать никто не рад,
Но пасть иль сдаться тягостней стократ.

12.

Они решились! Ночь за них была,
Их отступленье прикрывала мгла;
Огня не жгли, повёл их луч звезды,
И вот он, сонный, лёг на гладь воды:
Ужель рубежный брег? Назад, назад!
Рядами впереди враги стоят.
Вернуться? И обратно нет пути:
Блеснуло знамя Ото позади.
Не вражки ль часовые на холме
Зажгли костры? Не скроешься во тьме.
Надежды нет, в кольцо поймали рать,
Её собрались малой кровью брать!

13.

Лишь миг, пока все дух переведут,
А там — вперёд иль защищаться тут,
Не всё ль равно? Враги сомкнули строй
И на пути к реке стоят стеной;
Атака бы сломать её могла,
Хоть горстка уцелевших бы ушла.
«Ударим сами! Если ж подождём —
Конец, достойный трусов, мы найдём!»
В ответ взлетает мигом лес клинков,
Для действия не нужно больше слов.
Увы, для скольких прозвучал сейчас
В призывной речи Лары — смерти глас!

14.

И вот в его руке блеснула сталь.

Явил ли он отчаянье? Едва ль;

Лишь холодность, что даже храбрецу,

Коль он людей жалеет, не к лицу.

Пажа он ищет взглядом; как всегда,

Тот здесь, и в нём боязни — ни следа;

И всё же бледность саваном легла

На лик его: луна ль виной была,

Иль цвет зловещий позволял прочесть

Не страх, но правду сердца, всю как есть?

И это видит вождь; накрыл рукой

Он руку юноши — и в миг такой

В ней нету дрожи; паж молчит сейчас,

Лишь молвит взор: «Разлука минет нас!

Друзья изменят, рать падёт в борьбе —

Прощай скажу я жизни, не тебе!»

...Клич Лары на врагов швырнул отряд,

И надвое расколот первый ряд,

Ударом шпор направлен каждый конь,

С клинков скрещённых сыплется огонь;

Не мужеством — числом превзойдены,

Они самим отчаяньем сильны;

Струится в воду кровь; рассвет далёк,

Не от лучей багряным стал поток!

15.

Где ломит враг, где свой бы дрогнуть мог,

Там голос Лары, там его клинок —

Поддержка и защита; в прочих он
Вселил надежду — сам её лишён.
Спасенья в бегстве нет; шагнувший вспять
В сражение устремляются опять,
Завидев, как во вражеских рядах
Их вождь меж самых стойких сеет страх;
То с войском, то один он рушит строй
Противника, иль сплачивает свой,
Он не щадит себя; вот, мнится, враг
Готов бежать, и Лара подал знак,
Взметнув свой меч — но что же вдруг поник?
Стрелой он был пронзён в тот самый миг,
Тем роковым движеньем грудь открыв!
Смерть укротила гордых сил порыв;
Победная в устах застыла речь,
Воздетый было, опустился меч,
Ещё зажат повисшею рукой,
Но выпали поводья из другой;
Схватил их Калед. Лара, оглушён,
Сознание потерял; не видел он,
Как паж повёл его коня тотчас
Из пекла боя, где за разом раз
Отряд их устремлялся на прорыв;
Разили — о сражённом позабыв!

16.

Луч восходивший трогал по пути
Убитых и готовых отойти,
Разбитый панцирь, сорванный шелом;
Вот мёртвый конь в крови, с пустым седлом,

Вот дёрнулась в последний раз рука
Распластанного рядом ездока;
Лежат иные возле самых вод,
И влага дразнит пересохший рот,
И губы страшной жаждою горят,
Терзающий пред смертью всех солдат.
Воды, воды! хоть каплю бы глотнуть
Пред тем, как непробудным сном уснуть!
Отчаянным усилием влеком,
По дёрну обагрённому, ползком,
Ценой остатка жизни, — наконец
Добрался до реки иной боец;
Почуял свежесть волн, почти испил,
Зачем же медлит? Жажду он забыл,
Не утолив её; она была
Последней мукой — и навек прошла!

17.

Под липой, в стороне от битвы той,
Которой он один и был виной, —
Простёртый воин. Лара обречён;
С потерей крови жизнь теряет он.
Лишь верный Калед остаётся с ним,
И шарфом пробует унять своим
Багряный ключ; но судорога вновь,
И снова, всё черней, струится кровь;
Слабей дыханье — и струя скудней,
Да только жизнь равно уходит с ней.
Нет сил для слов — и жестом говоря,
Что помощь только множит муки зря,

Участливую руку Лара сжал;
Улыбкой грустной вождь пажу воздал,
И мир исчез для Каледа в тот миг;
Остались влажный лоб и бледный лик,
И очи угасавшие: они
Светили на земле ему одни.

18.

Враги победой не упьются всласть,
Пока не сдастся Лара им во власть;
Но вот он обнаружен — что с того?
Презрением их встретил взор его;
Оно с судьбой мирит его сполна:
Живущих злоба мёртвым не страшна!
Пред Ото — недруг, некогда в бою
Проливший кровь его, теперь — свою;
А он едва на Ото бросил взгляд,
Как будто помнил-то его навряд;
Позвал пажа... и больше ничего
Не поняли слыхавшие его.
Чужая речь звучала! Странно с ней
Сплелась для Лары память прошлых дней, —
О чём же? Изо всех, кто здесь внимал,
Один лишь Калед это понимал;
Он отвечал, а зрителям уста
Сковала изумленья немота;
Для тех двоих, казалось, пред концом
Исчезло настоящее в былом;
И не проникнуть окружившим их
Во мрак судьбы, единой на двоих.

19.

Лишь голоса их выдают сейчас,
Как много значит каждая из фраз;
Но ты, внимая этим голосам,
Подумал бы, что паж отходит сам;
В тоске он выговаривал едва
Устами побелевшими слова;
И как спокойна Лары речь была,
Пока в ней смерть хрипеть не начала!
Немного наблюдатель бы постиг,
Взглянув на этот отрешённый лик;
Но на пажа, кончаясь, глянул он,
И нежностью был взор его смягчён;
И на восток тогда рука его,
Поднявшись, указала, — отчего?
Явился ли ему зари приход,
Свет, облака пронзающий с высот,
Иль то, что видел он в стране другой,
Куда теперь указывал рукой,
Была ли то случайность — паж не знал;
Он сердцем это утро проклинал,
И, видеть не желая ясный день,
Смотрел на лик, где воцарялась тень.
Но Лара был в сознание — на беду!
К дарящему спасение кресту,
Что был ему поспешно поднесён,
Не пожелал и прикоснуться он;
Лишь усмехнулся — сохрани нас Бог! —
Как будто скрыть презрения не мог.

А паж молчал; от Лары он сейчас
Не отводил в отчаянии глаз;
Но руку, дар поднёсшую святой,
Отбросил с нескрываемой враждой,
Покой вождя желая сохранить,
И знать не знал, что Лара мог бы жить,
Но жизнью вечной, — а её врата
Лишь тем открыты, кто признал Христа.

20.

А Лара задыхался всё сильнее,
И паутина чёрная теней
Глаза всё больше застила — и вдруг
В объятьях верных, хоть и слабых рук,
Он вытянулся, страшно задрожал,
И к сердцу руку Каледа прижал.
Оно не бьётся — бесполезно ждать!
Не верит паж, не хочет он прервать
Пожатья леденящего — но нет,
Не ощутит он трепета в ответ.
«Оно стучит!» — безумные мечты!
Лишь то, что было Ларой, видишь ты.

21.

Паж так смотрел, как будто прах немой
С надменной не был разлучён душой.
Когда же отдал он чужим рукам
Умершего, потом был поднят сам,
И в пыль земную, на его глазах,
Упала прахом, отходящим в прах,

Та голова, что на груди бы он
Покоил вечно, охраняя сон, —
Кудрей не рвал он, шагу не ступил,
Стоял, смотрел, пока хватало сил,
Но вот не вынес, рухнул, — недвижим,
Как тот, который был им так любим.
Кого любил... Да нет, груди мужской
Дышать любовью не дано такой!
Минута эта пыткой была,
Что с правды до конца покров сняла.
Ему спешат помочь и грудь открыть,
И тайна перестала тайной быть;
Вернувшись к жизни, паж не прячет глаз.
И что до чести женской ей сейчас!

22.

Вдали от спящих предков Лара лёг;
Глубок его затвор — и сон глубок,
Хотя молитвой холм не освящён
И в мрамор не одет. Оплакан он
Единственной, кто всё ещё скорбит,
Когда народом павший вождь забыт.
Впустую ей вопросы задают,
Угрозы в ход пошли — напрасный труд;
Не вызнать, как она за тем пошла,
В ком так немного видели тепла.
За что могла любить его она?
Да разве страсть от воли рождена!
Он мог быть нежным: не глазам глупца
Прочесть, как бьются сильные сердца,

Когда полюбят; ведь суровый дух
Едва ли станет изливаться вслух.
Необычайно каждое звено
В цепи, её приковывавшей — но
Ей нестерпима б исповедь была,
Другим же на уста печать легла.

23.

Он был зарыт — и кроме раны той,
Что принесла душе его покой,
Сплошные шрамы видели на нём.
Добытые давно, в краю ином,
Они одно гласили: спору нет,
Стране борьбы он отдал свой расцвет;
Там кровь лилась; но тайною для всех
Его геройство будет... или грех?
А Эццелину, кто ответ бы дал,
В ту роковую ночь конец настал.

24.

В ту ночь крестьянин (вот его рассказ)
Рубежной шёл долиною. Как раз
На небе серпик Цинтии исчез,
Зарёй поборот. Раб в господский лес
Пришел набрать дровец, чтоб их продать —
Не то пришлось бы детям голодать.
Река, что земли Ото отсекла
От графства Лары, перед ним текла;
Вдруг — топот конский. То к реке спешил
Из чащи всадник. Переброшен был

Плащом накрытый груз через седло;
Лицо ездок сокрыл, склонив чело;
Нежданный вид, что страшен в час ночной!
Не преступленье ли всему виной?
И стал крестьянин, прячась, наблюдать,
Как незнакомец спрыгнул, сдёрнул кладь,
Как на берег втащил её с трудом
И сбросил в воду; долго ждал потом,
Смотрел — отворотился — прочь шагнул,
Но бросил взор назад, и вдруг свернул
Вослед теченью, точно взгляду мог
Поведать слишком многое поток.
Тут он нагнулся к скопищу камней,
Оставленных разливом вешних дней,
И те, что покрупнее, стал хватать,
И в воду их, прицелившись, метать.
Вперёд прокрался раб; незримый сам,
Теперь он видел всё: его глазам
Предстала грудь под пеленой воды,
На платье точно вспыхнул луч звезды;
Но, лишь крестьянин, пристальней взглянул,
Ударил камень в труп, и тот нырнул,
А выплыв, был почти неразличим
В багровой мути, взвившейся за ним.
Но вот он канул; взвихрилась вода,
Разгладилась — и всадник лишь тогда
Вскочил в седло; и вмиг ударом шпор
Погнал он прочь коня во весь опор.
Он в маске был; а что до мертвеца,
То взгляд раба бежал его лица;

Но на груди носимая звезда
Была приметой рыцаря всегда;
На платье Эццелина этот знак
Видали в ночь, что завершилась так.
Прими его Господь, коль он убит!
А труп неузнанный был в море смыт.
Поверь из Милосердья одного,
Что всё ж не Лара умертвил его.

25.

И Лара — Калед — Эццелин — ушли,
Надгробий им равно не возвели!
Где вождь скончался, там и паж угас,
За нею зря являлись много раз;
Сломило горе гордый прежде дух,
Был тихим плач — а чаще взор был сух;
Но верила она, что Лара здесь,
И все попытки прочь её увести
Одно лишь бешенство будили в ней:
Тигрица, потерявшая детей!
Коль все ушли — томиться здесь вольна,
К виденьям обращается она.
Печаль не устаёт их рисовать
И в жалобах с мольбою к ним взывать.
Она сидит под липой, где легло
В колени ей холодное чело;
И память возвращает ей назад
Последнее пожатье — слово — взгляд.
И срезанный когда-то чёрный жгут
Своих кудрей — прикладывает тут

К земле она, как будто вновь и вновь
Бесплотному унять пытаюсь кровь.
То речь за них двоих ведёт одна,
То вскакивает в ужасе она
И вся дрожит: почудился ей вдруг
Его гонитель, некий злобный дух.
Она зовёт вождя скорей бежать —
И наземь опускается опять;
Закроет лик истаявшей рукой,
Иль чертит знаки на земле порой...
Близ Лары, наконец, она легла —
Явила верность, тайну унесла.

Перевод Марины Золотаревской.